КИРИЛЛ ТРАЙ

СИНГУЛЯРНОСТЬ

книга первая

будущее, которое

МЫ ЗАСЛУЖИЛИ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Кирилл Трай

Сингулярность

«Автор»
2026

Трай К.

Сингулярность / К. Трай — «Автор», 2026

Жизнь одного человека — короткий отрезок на линии истории человечества.Но что, если именно твой отрезок попал в точку бесконечного ускорения?Будущее больше не ждёт следующих поколений. Оно врывается в твою жизнь, раздвигает границы возможного и ставит под сомнение саму неизбежность конца. Время словно замирает, пока мир успевает стать другим снова и снова.В основе романа — личная история автора, переплетённая с его представлениями о будущем. Пережитое соседствует с вымышленным, а знакомые человеческие заботы — с переменами, способными изменить саму продолжительность и смысл жизни. Это взгляд на технологический перелом изнутри одной судьбы: с её любовью, ошибками, страхами и надеждами.Одна жизнь. На пороге бесконечности.

© Трай К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Финал 6
Проба 10
Право на испытание 14
День без работы 18
Своё дело, чужие обязательства 25
Марина 30
Время, которое нельзя компенсировать 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Кирилл Трай
Сингулярность

Кирилл Трай
СИНГУЛЯРНОСТЬ
Книга первая
2026
Кирилл Трай
Сингулярность
Книга первая
Роман
Содержит нецензурную лексику.
© Кирилл Трай, 2026
Содержание
Финал
Проба
Право на испытание
День без работы
Своё дело, чужие обязательства
Марина
Время, которое нельзя компенсировать
Условия по умолчанию
После закрытия
То, что ещё можно выбрать
Из инструмента в «Эдем»
Подписанное раньше
Каждый спасает своих
Подпись
Цена отказа
Не за нас
Встречные шаги
Когда ты спишь
Право не согласиться
2045

Финал

— Дед, можно у тебя записаться?

Конец фразы Платон проглотил. Пока шёл, она звучала нормально.

— Что записать?

— Трек. Я в финал вышел.

— В какой финал?

— Баттла. В интернете. Последний трек осталось сдать.

Дед отложил ручку. Под чашкой лежали бумаги, у нижнего листа загнулся уголок.

— Написал уже?

— Написал.

— Тогда записывайся.

— Можно?

— Ты за этим спрашивал?

— Ага. Только я не быстро. Там потом обработать, свести. Послушать нормально.

— Значит, время тебе тоже нужно.

— Нужно. Я посижу.

— Послушаешь. Помочь надо?

— Нет, я сам.

Получилось резче, чем следовало. Дед подвинул чашку, освободил листы. Платон остался стоять: разрешение получил, а подготовленный разговор ещё продолжался в голове.

— Спасибо.

— Когда результат?

— После сдачи неделю судить будут.

— Неделю ждать?

— Ну да. Им же послушать надо.

Неделя находилась где-то за готовой записью. Пока всё нужное мог сделать он сам.

Книги, компьютеры, шахматы — ко многому, чем Платон занимался часами, приучил дед. Отказа он и сейчас не ждал. И всё-таки самое короткое — мне нужно, помоги — пришлось репетировать.

В детстве он сперва показывал придуманное. Однажды принёс к столу книжку из сложенных листов — о том, как они будут жить, когда он вырастет. На первом развороте стоял большой дом, на втором ещё один; третий он бросил, потому что надоело рисовать окна.

— Это кому? — спросила мама, удерживая лист, который всё время закрывался.

— Вам. Тут тебе, тут бабушке. А этот я ещё не доделал.

Бабушка наклонилась через стол. Он развернул к ней книжку, мама отпустила край, страницы захлопнулись.

— Подожди, я сама.

Бабушка разгладила сгиб. Платон почти прижался плечом к её плечу и следил, куда она смотрит. Хотелось, чтобы смотрела дольше, и одновременно не терпелось объяснить следующую страницу.

— А папе? — спросила мама.

Отец поднял голову.

— Я здесь буду. И папа.

Платон ткнул в недорисованный дом. Теперь пустые окна его не беспокоили. Отец подвинул свободный стул:

— Сядь нормально.

Он сел. На бумаге не получалось разместить всё, что успел придумать: чтобы у мамы было то, что ей хочется, чтобы бабушка не откладывала хорошее на потом, чтобы отец смотрел вот так, не отмахиваясь. Он сделал дом шире. Линия зашла на сгиб.

Мама собиралась уйти в другую комнату, и Платон попросил её не смотреть дальше без него.

— Подожду, — ответила она уже оттуда.

— Ещё деду надо, — сказал он бабушке.

— Рисуй.

* * *

В Доме радио собственные шаги звучали слишком отчётливо. Под подошвой скрипнул пол; Платон замедлился. Тяжёлая студийная дверь закрылась с мягким упором, и коридор исчез из слуха. Остался низкий шум техники.

Платон поставил вещи у кресла. Микрофон стоял за круглым поп-фильтром, кабель ложился на пол нетугой петлёй. Под монитором теснились клавиатура и мышь. На мягком оголовье наушников виднелась складка. Здесь всё уже работало до него. Не нужно было сначала изобретать место, где можно записаться.

Он развернул текст, отвёл провод носком ботинка, потом поправил рукой. При чтении всё равно начнёт размахивать. Сказал несколько слов в микрофон. Комната почти не вернула их обратно. Это ему понравилось.

Трек был о взрослении. Об отце, с которым было тяжело и которого любил. На экране можно задержаться возле любой строки; перед микрофоном придётся пройти их подряд.

«Отец мой по жизни боец, а я весь в него».

Весь в него. Платон знал, как эта строка должна прозвучать, и не собирался делать её осторожнее. Тяжёлые отношения тоже были в треке. Любовь от этого никуда не девалась.

Он проговорил начало губами, подвигал плечами. Наушник прижимал ухо; Платон поправил его, и звук сомкнулся вокруг головы. За сеткой микрофона не было лица, которому следовало объяснить, почему это важно.

Началась музыка.

Несколько долей он ещё собирался. Потом оказалось, что вход уже здесь. Вдохнул.

Голос в наушниках прозвучал близко. Платон успел удивиться ему и едва не пропустил следующую строку. Рот подхватил её раньше, чем он перестал прислушиваться к себе.

Дальше пошло.

Ладонь возле бедра раскрывалась, как будто он кому-то объяснял написанное. Смотреть на неё было некогда: довести фразу, взять воздух, не потратить весь выдох на любимое слово. Напор тянул вперёд. Он сдержал его и прошёл длинное место до конца; следующая строка далась легче.

В одном месте подался корпусом, в другом замер. Наушники больше не мешали. Он знал, где находится микрофон, и смотрел мимо сетки. Под конец воздуха хватило.

Слова закончились, рука ещё двигалась.

Он опустил её. Музыка продолжалась. Теперь стало слышно дыхание.

Сразу включить. Пока помнит, как получилось.

Но память уже подсовывала отдельные движения: усилие на слове, поворот плеча. Сам звук ускользал. Хорошо было или только показалось?

Платон сел за стол.

* * *

Кресло неожиданно легко уехало назад. Он поймал край стола и придвинулся. В наушниках стало жарко; приподнял одну чашку, вернул на место и запустил запись.

Перед своим входом набрал воздух.

Голос вступил без него.

Платон остался с приоткрытым ртом. Прозвучало первое слово, второе. Он откинулся на спинку. Заминки, которую так ясно помнил, не было слышно. Шла целая строка. Никто не видел, как он переставлял ноги и куда девал руку.

Он узнавал нажим, привычный разгон, окончания, которые раньше почти терялись. Хорошее оборудование не сделало из него другого человека. Его самого стало слышно отчётливо.

На словах об отце он перестал двигаться в ритм. Пока читал, они шли вместе с дыханием; теперь оставались в записи, и доказывать голосу, что любовь настоящая, было незачем. Уже сказал.

В конце фразы звук немного осел, следующее слово вышло с нажимом. Короткий вдох стянул их вместе.

Вот это хорошо.

Платон беззвучно повторил окончание, но в записи уже началось другое место. Он знал каждую строку и всё же ждал следующую.

Когда музыка кончилась, рука сразу потянулась к началу. Ещё раз бы. Платон усмехнулся и остановился. Обработать и свести он тоже собирался сам. А то так и просидит, слушая, какой молодец.

* * *

Сначала удовольствие мешало работать. Он включал отрывок ради звука и к концу уже читал вместе с собой. Убрал со стола руку, которой отбивал ритм; под столом то же самое продолжила нога.

Голос громче — музыка уходит вдаль. Тише — знакомое окончание хочется договорить самому. Текст он знал наизусть и мог помочь записи собственной памятью, не заметив. Пришлось долго сравнивать и ничего не трогать.

Часы прошли незаметно. В какой-то момент палец стал останавливать запись раньше, чем Платон успевал решить зачем. Он снял наушники и вышел в коридор. Здесь шаги снова приобрели длину. Плечи болели, хотелось пить.

Вернувшись, он прослушал трек целиком. Не подпевал, не выбирал любимые места. Ладонь поднялась на знакомом переходе; он опустил её на колено.

Можно ли уже оставить запись в покое?

Можно.

Он сохранил готовое и задержался перед отправкой. Человек, который включит трек, не проведёт с ним эти часы. Не увидит затёкших плеч, не выслушает приготовленных объяснений. Получит музыку и голос. Даже отец будет для него человеком, которого он знает только из сказанного.

Хотелось сесть рядом с каждым: дослушай, я не просто так написал.

Платон ещё раз посмотрел на начало. Проверять там было нечего.

Отправил.

* * *

Судейство заняло неделю.

Первый вечер держалось удовольствие. Наушников на голове уже не было, а музыка оставалась рядом. За едой Платон поймал себя на том, что беззвучно произносит слова. Хотелось дать кому-нибудь послушать. Рассказать, какой получился звук. Про победу тоже думал, конечно.

Позже открыл запись. Устроился удобнее, приготовился испытать то же, что в студии, и почти сразу начал спрашивать себя: достаточно хорошо?

Запись отвечала тем же самым.

Утром в голове возник кусок из середины. Платон попытался вспомнить, как туда входит голос, и прокрутил полтрека, ещё не встав с кровати. Проверять результат было рано: судейство только началось.

Проверил.

Ничего нового. Закрыл и тут же захотел открыть снова. Несколько секунд держал ладони на столе, потом взялся за другое.

К середине недели эта привычка надоела. Он включил чужую музыку. Голос звучал свободно, не требовал защиты. Пальцы застучали по колену. Потом началось: здесь ближе, здесь окончание лучше. А у него? Платон уже тянулся к своей записи и рассердился. Не все сейчас соревновались с ним.

Оставил играть. Следующая песня началась без его участия; вступление он не знал наизусть и пропустил вход. Прислушался. Ритм под пальцами сменился.

К вечеру всё-таки вернулся к треку. Любимое место вдруг показалось тесным. Он выключил, не дойдя до конца. За окном проехала машина. На столе стояла остывшая чашка; Платон поморщился, сделал глоток и всё равно допил.

Строка об отце оставалась его строкой. Уважение не зависело от баттла, любовь тоже. Всё это было ясно и совершенно не помогало меньше хотеть победы.

Однажды он заранее представил проигрыш. Сможет ли после него включить трек с удовольствием? Или начнёт слышать только то, где не дотянул?

Утешать себя заранее было противно. Он ещё не проиграл.

К концу недели Платон почти привык ждать. Удавалось забыться на несколько часов, потом внутри снова начиналось движение, как перед входом в музыку. Только вступление не заканчивалось.

Он даже открыл рабочую запись. Собирался что-то переделать — что именно? Файл уже был у судей. Посидел перед дорожками и закрыл их.

А потом обнаружил, что почти не хочет знать результат. Пока судейство идёт, он остаётся в финале, где можно выиграть. Представил ещё неделю такого хождения вокруг записи.

Нет. Пусть уже скажут.

* * *

Когда стало известно, что он выиграл, Платон некоторое время не двигался.

Выиграл.

Проверять было нечего. Всё напряжение, которое он неделю куда-то собирал, осталось без дела. Он встал, перенёс вес с одной ноги на другую и засмеялся. Прижал губы, смех вернулся. Можно было не готовить спокойное лицо.

Захотелось включить трек, словно в нём тоже что-то изменилось.

Вступление было прежним. Голос вошёл там же. На знакомом переходе Платон начал читать следом, сбился, потому что улыбался, и замолчал. Запись продолжала звучать ровно.

Вспомнился дед за столом и собственное повторное «можно?», когда уже разрешили. Тогда скорее хотелось уйти. Сейчас он вернулся бы на ту минуту просто сказать спасибо ещё раз.

Платон дослушал и снял наушники. Радость осталась. Можно было сидеть без музыки и чувствовать её.

Он ещё не знал, что сделает следующим. Но уже хотелось снова оказаться в той секунде, когда музыка началась, а его голос ещё не вошёл.

Проба

Новосибирск. 2027 год.

Денис вернул ему ноутбук, не закрыв крышку.

— Не буду я это брать.

Денис принёс на встречу четыре старых запроса из архива. В одном система уже заметила перепутанный размер, который он сам когда-то пропустил. Теперь на экране оставался последний: покупатель, снятая с производства модель, найденная замена, черновик ответа.

— Где ошибка?

— Я не сказал, что ошибка.

В тесной переговорной было жарко. За стеклом женщина из соседнего офиса пыталась заправить принтер; лоток всякий раз закрывался с ударом. Платон развернул ноутбук к себе и открыл замену. Марку он не знал. VIKTOR OS показывала каталог, таблицу совместимости и письмо поставщика. Отправка ждала человека.

— Ты эту марку знаешь?

Денис наклонился к фотографии.

— Знаю. Если посадочное такое, подходит. Надо ещё спросить.

— Вот. Она тоже спрашивает.

— Только вопрос наверх поставь. Он увидит замену и скажет: берём. А потом будешь выяснять, что он подтвердил.

— Здесь можно самому…

Денис уже выделил строку и передвинул её. Перечитал.

— Теперь нормально.

— Так в чём дело?

— Платон, я же сказал. Брать не буду.

Денис работал на складе, вечерами подбирал детали, а когда нужны были понятные деньги, брал дополнительные смены. Платон нашёл заказчика, готового дать ему часть обращений, и предложил попробовать с VIKTOR OS: меньше искать, больше проверять.

Теперь Денис складывал бумаги.

— Ты ради этого и пришёл.

— Я пришёл посмотреть.

В переписке действительно стояло «посмотреть». Платон сам предложил приехать и попробовать руками. Но два часа они ведь не просто смотрели.

— Деньги не устраивают?

— Деньги нормальные.

— Объём?

Денис положил папку на стол.

— Я с пяти до восьми не работаю.

В условиях пробной недели стоял вечерний интервал: проверять новые обращения, отвечать в течение получаса. Никакой полной смены. Телефон под рукой, варианты готовы. Платон согласился бы сразу.

— Там не три часа сидеть. Пришло уведомление, посмотрел…

— У меня дочь в это время.

— Можно с телефона.

Денис убрал телефон в карман.

За стеклом наконец заработал принтер. Платон дождался, пока из него вылезет первый лист, и снял вечернюю отметку. Вместе с ней исчезла часть предполагаемой оплаты.

— Ну вот, — сказал Денис.

Платон проверил расчёт. Заказчик платил за готовность отвечать, пока ещё работали его клиенты. Три свободных часа не возникли оттого, что письма стало проще писать.

— Оставим утро. Два часа.

— А смены тогда останутся. Ты мне это вместо них предлагал.

— Попробую договориться, чтобы за неделю оставили всю сумму. Вечер закроем отдельно.

— Из чего вечернему платить?

На этот вопрос готового ответа не было. Можно было перенести пробу, поискать другого заказчика. Но Денис уже проверил знакомые запросы, разобрался, где перепутан размер. Платону хотелось дать ему настоящую очередь, пока встреча не превратилась в ещё один удачный показ.

— Я решу с заказчиком. Твои часы и деньги без тебя не поменяются. До пятницы, дальше отдельно договоримся.

Денис сел обратно.

— Ты мне утром работу дашь или весь день будешь спрашивать, что я нажал? Вопросы — в эти же два часа.

— В эти же.

Денис прочёл условия и задержался внизу.

— Уведомления выключи. Общая там настройка или нет.

Платон выключил. Оставались письма, которые Денис начнёт утром, а покупатель ответит на них вечером: такие возвращались к тому, кто начал разговор. Платон перевёл их в вечернюю очередь и отправил пробный ответ. Поле дежурного пока было пустым. Телефон Дениса молчал.

Только тогда Денис нажал согласие.

— До пятницы.

— До пятницы. Теперь заказчик должен подтвердить. Без него не включится.

— Сегодня напишешь? Мне ещё по сменам ответить надо.

— До вечера.

Денис поставил напоминание проверить сообщение. Освобождать утро не стал.

У двери он вернулся за распечаткой каталога и сложил её вчетверо. Платон чуть не сказал, что бумага больше не нужна: всё сохранено. Проводил его и набрал заказчика.

* * *

— Что, не разобрался? — спросили в телефоне.

— Разобрался. Детали проверяет хорошо. Только работать может утром.

— У меня утром человек есть. Мы с тобой про вечер говорили.

Клиенты присылали уточнения после своих смен; к утру остывали или находили другого продавца. Денису Платон показывал скорость подбора, заказчику обещал скорость ответа.

— Мне нужен именно такой человек, — сказал он. — Он сегодня две вещи заметил, которых я не увидел.

— Найдёшь на вечер — вернёмся к пробе.

В календаре Платона стояли разговор команды и проверка новой связки агентов. Её он ждал с утра: пройти целый маршрут без подсказок, увидеть, что система удержит сама. Для этого нужен был свободный вечер.

— Вечером буду я.

— Ты?

— На пробную неделю. Деньги Денису. За мой вечер платить не надо.

— А свои дела?

— Там будет не сплошная работа.

Платон услышал себя и замолчал. Заказчик тоже помолчал.

— Вот пишет покупатель вечером: фотография, коробка, «к моему подойдёт?». Серия на коробке не та, что в каталоге. Что ответишь?

Платон вспомнил угол коробки, в который сегодня долго всматривался, пока Денис объяснял различие серий. Объяснение он запомнил. Различие — нет.

— Открою, на чём помощник решил.

— А там таблица, в которой ты не разбираешься.

Можно было пообещать разобраться за ночь. Наверное, даже успел бы. Платон посмотрел на пустое поле дежурного.

— Такое оставлю до утра, — сказал он. — Покупателю напишу, что уточним. Ни деталь, ни поставку обещать не буду.

— Только не считай мне такое письмо в «ответили».

— Не посчитаю.

Послышались удары клавиш.

— Ладно. Утром Денис, вечером ты. Резерв подтверждает мой сотрудник, я его ради теста не снимаю. В пятницу остаток мне. Пришли всё это, у меня десять минут.

Условия Платон продиктовал за пять: весь вечерний интервал — в учёт, сложные случаи — до утра, вместо «Оптимизированной схемы» — «Пробная неделя». Подтверждение пришло быстро. Следом: «Если не тянешь — сразу говори. Не копи».

В пустое поле дежурного Платон вписал своё имя.

* * *

Первым пришлось двигать разговор команды. Один человек утром не мог, другой не ответил. Платон предложил обсудить без него и прислать вопросы, потом попросил запись. Проверку новой связки перенёс за пределы недели. Свободного вечера раньше не нашлось.

Перед запуском он отправил ещё один тестовый ответ. Карточка пришла ему, Денису — ничего.

«Заказчик подтвердил. Утро твоё, вечер мой. Остаток в пятницу передам сам».

Отметка прочтения появилась почти сразу.

Переговорную уже ждали другие. Он забрал ноутбук и устроился у стены в общей зоне. Надел наушники без музыки, открыл отчёт и положил телефон экраном вниз. Так хотя бы не видно, пишет ли Денис.

Начал с маршрута. Дошёл до места, где уточнение уходит в вечернюю очередь, и перечитал первую фразу. Она была про систему. Про человека, который утром откроет карточку, дописать не успел: перевернул телефон.

Ничего.

Денис говорил, что ему ещё по сменам отвечать. Утро он не освобождал — Платон видел. Если уже взял завтрашнюю смену, придётся снова звонить заказчику. На разговор команды он тогда успеет, проверку новой связки вернёт на эту неделю. Вечера опять станут его. В отчёте для Ильи останутся четыре архивных запроса.

Мысль оказалась приятнее, чем следовало. Платон вернулся к маршруту и всё-таки написал про человека. Вышло длинно; сократил. Снова посмотрел на телефон.

Под сообщением можно было дописать ещё одно: разговор команды пройдёт без него, проверка отложена, вечера взяты. Чтобы было видно, во что это обошлось. Он набрал: «Я уже».

Денис ничего такого у него не просил.

Платон стёр два слова. Из переписки не вышел.

Когда телефон дрогнул, ладонь уже лежала на нём.

«Прочитал. Тогда завтра утром».

Он выдохнул и только теперь заметил, что сидит, подняв плечи. Опустил их. Посмотрел на время: до вечера успел.

В отчёте значилось: четыре архивных запроса, ни одной отправки покупателям; экономию обычной работы ещё не измеряли. В строке «Решение участника» всё ещё стоял отказ.

Платон выбрал «Принято с корректировкой условий». Красная отметка сменилась зелёной. Его бесплатные вечера остались в подробностях, которые надо было раскрыть.

Команда ответила: разговор оставят на прежнее время, вопросы пришлют. Платон написал «Хорошо» и снял наушники. Кто-то выключил свет над соседними столами.

На телефоне висело сообщение Ильи: «Есть результат?»

Платон прикрепил отчёт и набрал: «Да. После настройки человек согласился».

Перед отправкой дописал: «На неделю».

Право на испытание

Новосибирск. 2027 год.

В пятницу, в восемь вечера, очередь перестала быть его.

Заказчик принял остаток, доступ на отправку закрылся. Последнее письмо Платон всё ещё видел: покупатель наконец прислал фотографию детали рядом с линейкой. Ответное поле оставалось серым. Так он сам и настроил. Над одной незавершённой карточкой пришлось посидеть: вчерашнее «уточнить» без имени и срока значило «сам вспомню». Он вписал того, кто обещал ответить. Заказчик прислал: «Да, принял».

На телефоне было сообщение Ники: «Ты закончил?»

«Да».

В этот раз без продолжения.

Платон выключил ноутбук, сунул зарядку в сумку. В общей зоне Академпарка ещё разговаривали. Он поймал себя на том, что ждёт сигнала очередного обращения. Молчание телефона после пяти вечеров казалось неполадкой.

Денис прислал итоги утром: короткую запись и несколько карточек. У выхода Платон всё-таки включил начало.

— В общем, удобно, — сказал Денис. — Поиск оставляй. Только покажу, где у тебя человек теряется.

Платон усмехнулся. У тебя.

* * *

В субботу он пришёл раньше Антона и успел посмотреть запись дважды. Второй раз — прикидывая, что войдёт в короткий ролик для Ильи.

Вошло бы многое. Здесь не пришлось заново искать каталог. Здесь собрались фотографии из разных писем. Сорок секунд — и видно, насколько меньше стало беготни.

Дальше Денис сидел перед двумя почти одинаковыми корпусами. Помощник предложил замену; Денис открыл фотографию целиком. В обрезанном прежде углу упаковки осталось обозначение другой серии. Минуту на записи ничего не происходило: человек смотрел на две похожие вещи и листал страницы. Этот кусок Платон отметил для вырезания.

Антон подошёл с сумкой, посмотрел через плечо.

— Что за кино?

— Для Ильи. Без скучного.

— А скучное где?

Платон показал. Антон досмотрел минуту до конца, пока Денис не сказал: «Не эта».

— Я бы тоже не понял, что там написано. Ты бы понял?

— Что надпись есть — да. Что она меняет — нет.

На следующей карточке Денис остановил запись сам.

— Это я поправил. Вопрос открытый, видишь? А наверху уже красиво.

Обещание покупателя прислать снимок превратилось в верхней строке в «Данные получены». Платон помнил эту карточку — по удачной замене, которую нашла модель. Строку над ней не заметил. Ущерба ещё не было: Денис поймал раньше.

В конце Денис уже говорил без экрана:

— Утром успевал. В каталогах меньше копался, это да. Но не пиши, что теперь всё за полчаса. Люди отвечают как попало. И твой вечер отдельно считай. Я его не работал.

Платон снял отметку с минуты у двух корпусов. Короткий ролик сохранил отдельно; полную запись положил рядом и поставил первой.

Вечером он набрал Дениса и показал черновик сводки: вопрос, следующий шаг, исходное рядом.

— Здесь ещё напиши, кто ответить должен. А то опять всё мне. — Денис приблизил экран. — Только эти три я бы вживую проверил.

— Мы вчера закончили.

— Я понял. Если ещё будете делать.

Платон придвинулся к экрану.

— Будем.

— Ты сначала условия пришли. И без вечерних.

— Помню.

После звонка он ещё смотрел в пустое окно. Дениса не пришлось уговаривать вернуться. Он сам хотел проверить.

* * *

К полудню дошли до резерва. Отправлять было некуда: заказчик разрешил только подготовку ответа, и Антон оставил предварительный просмотр. Поиск он похвалил — каталог открывался сразу на нужной таблице, предупреждение о размере стояло рядом. На учебном письме, где покупатель из двух предложенных деталей ответил просто «берём», оба замолчали. Платон убрал вторую позицию.

Платон добавил к зелёной сводке ссылки на замечания Дениса. Саму отметку оставил.

* * *

Ника ждала снаружи. Стояла в стороне от входа, держала бумажный пакет под мышкой и пыталась вытащить что-то из рукава.

Платон забрал у неё пакет, чтобы освободить руку. Ника тут же обняла его этой рукой, поцеловала — коротко, на ходу — и только потом вернулась к рукаву.

— Волос?

— Один. Зато правильный. Всю дорогу со мной. Ты ел?

— Нет ещё.

— По тебе видно.

Они сели в общей зоне. Платон достал ноутбук, Ника уже развернула сэндвич.

— Сейчас одну вещь покажу.

— Сначала ешь. Голодным у тебя дольше.

Он убрал руку с крышки. Хлеб хрустел, на бумагу сыпались крошки. Ника рассказывала о клиенте, который принёс фотографию стрижки и всё время поворачивался посмотреть, что выходит. В конце сказал, что полностью ей доверяет.

— Я говорю: тогда хоть минуту прямо посиди.

Платон едва не рассмеялся с полным ртом. Она протянула салфетку.

— Что у тебя?

— Закончили неделю. Денис хочет ещё попробовать. Мы утренний список переделали.

— Вечерами он не сидел?

— Нет. В каталогах меньше искал, фотографии уже вместе. Вот передачу ещё надо…

Он рассказал про неверно закрытый вопрос, вернулся к резерву и объяснил его слишком быстро. Ника снимала бумагу, прилипшую к соусу.

— Смысл в том, что до действия человек получает всё собранное. И утром успевает больше.

— А ты успеваешь?

— У меня проба. Я не всегда буду дежурить.

— За эту неделю спрашиваю.

В понедельник он пропустил разговор команды. Во вторник дослушивал запись, в среду делал перенесённое со вторника. К пятнице собственный список почти не изменился, только прибавились чужие вопросы.

— Не очень. Но проверил то, что хотел.

Она кивнула. Это тоже было результатом, и она спорить с ним не собиралась.

Через полчаса Нике нужно было ехать на запись. Платон не успел бы закончить и уйти с ней.

— Посижу с тобой.

— Тогда не доставай.

Она показала на сумку. Он задвинул её под стол.

Говорили о её работе, потом о музыке. Ника дала один наушник. Платон знал исполнителя, но трек не слышал. Сначала шёл только бас; он поправил наушник, голос приблизился.

На телефоне вспыхнуло имя Ильи. Платон прочёл начало: «В понедельник освободилось…» И пропустил строчку, которая понравилась Нике.

— Верни.

— Сейчас. Вот это место.

На этот раз услышал.

* * *

Участники другой встречи отменили показ. Люди, которых Илья давно хотел собрать, всё равно приезжали в Академпарк; между разговорами оставалось короткое окно.

«Рабочий кусок и результат недели. Без общей истории про будущее».

Платон ответил после того, как проводил Нику: «Покажу».

Из презентации первыми исчезли слайды о будущем. Он потратил на них больше времени, чем хотелось вспоминать.

Последним оставался вечер. Между обращениями Платон успевал есть, читать сообщения, даже позвонить по своим делам. Если сложить только минуты возле карточек, результат был бы гораздо приятнее.

Он открыл среду. Во время собственного звонка пришёл вопрос покупателя. Платон отвлёкся, вернулся, попросил повторить. К концу уже забыл, что собирался проверить на нарисованной схеме. В журнале писем эта потеря не отразилась.

Он оставил две строки: занятость обращениями и весь интервал дежурства.

* * *

За столом оказалось меньше людей, чем он представлял. Илья сел сбоку. Мужчина напротив положил телефон дисплеем вниз; женщина оставила свой перед собой — ждала доставку.

Пока подключался экран, захотелось вернуть слайды о будущем. Без них оставались письма о деталях, одна небольшая неделя и его бесплатные вечера.

Платон открыл удачный запрос. Мужчина увеличил найденную таблицу.

— Само нашло?

— Само. Человек проверяет основание.

Платон уже вёл к следующей карточке — там поиск выглядел ещё лучше, — когда женщина попросила ввести её вопрос: есть фотография, нужен аналог, забрать желательно сегодня. Помощник предложил уточнить обозначение и размеры.

— И всё? У нас так половина пишет.

Под воротником потеплело. Очень хотелось вернуть первую карточку.

— Подождите. Другое письмо хочу.

Она сама потянула ноутбук к себе, раскрыла историю переписки, посмотрела, как связаны сообщения. Платон пересел, чтобы видеть экран сбоку. Его показ продолжался без него.

— Вот это оставьте. Если спросили размер, не надо объяснять, что без размера нельзя. Потом ответ придёт. Кто его утром увидит?

— Утром список…

— Покажите список.

Утренний список Платон собирался показать в конце, коротко. Женщина листала его долго. Мужчина тем временем ответил за покупателя: «Не две, а четыре». Количество обно-

вилось, а прежнее подтверждение наличия осталось наверху. Платон сделал снимок карточки; Антон кивнул: ошибку разберут после встречи.

— А можно рядом, что было и что стало? — спросила женщина, не поднимая глаз. — Тогда я хоть вижу, где перепроверять. У нас с передачей хуже, чем с поиском.

Платон записал.

— А стоимость? — спросил мужчина, когда дошли до результатов недели.

— Заказчик платил Денису. Я свой вечер не выставлял.

— Значит, полной цены нет.

— Нет пока.

В конце мужчина попросил показать резерв. Платон включил предварительный просмотр.

— До отправки не проверяли. Сейчас предлагаем подготовку.

— Тогда её и считайте. С человеком, которому платить будете.

Илья закрыл блокнот.

— Именно.

* * *

Когда большой экран погас, карточка на ноутбуке стала обыденной. Платон сворачивал кабель, всё время попадая одним концом под другой.

— Ну? — спросил он Илью.

— Есть что проверять.

— Это я и раньше знал.

— Теперь не только ты.

Женщина задержалась у двери: хотела прислать пример передачи смены без клиентских данных. Платон дал адрес. Рядом в блокноте обвёл «две — четыре».

Илья дождался, пока она выйдет.

— Следующую пробу оплачу. Человека на вечер, обучение, передачу смены. Твоё «сам посижу» больше не считаем.

— С тем же заказчиком?

— Сначала спросим. Мне нужно понять, работает ли без тебя каждый вечер. Выйдет дороже обычного — значит, отдельного сервиса может не получиться. Останется помощник у тех, кто уже работает.

Слишком маленький результат для того, что Платон видел в этой системе. Он придвинул расчёт с пустыми суммами.

— Умеешь поддержать.

— Человека на вечер предлагаю. По-моему, вполне.

Платон засмеялся. Антон уже стоял с сумкой на плече. Платон открыл документ для будущего исполнителя и на сложном случае остановился. Раньше здесь можно было написать собственное имя и разобраться по ходу. Теперь требовалось объяснить, что делать, когда ответа нет.

Илья подождал, пока он допишет, и вышел с Антоном.

Платон отправил Нике: «Показали. Предлагают оплатить вечернего человека». Открыл календарь. С пяти до восьми было пусто.

Он выделил промежуток и поставил туда работу над системой.

День без работы

Бердск. Лето 2035 года.

Вера опоздала к завтраку и взяла добавку.

Перед раздачей всё-таки посмотрела на часы. Без четверти одиннадцать. В дальнем конце зала женщина подняла стул, пропуская уборочную машину. Вера ускорилась.

— Ещё горячее?

— В середине берите. По краям подсохло.

Запеканка в середине была мягкой. Вера положила рядом хлеб и вернулась к окну. Солнце било в глаза; вместо чашки передвинула весь поднос. Посидела, прежде чем взяться за ложку.

Утром долго лежала с открытым окном. Внизу по дорожке катилась платформа с коробами из прачечной; на повороте она сбавила ход и коротко пискнула. Проснувшись во второй раз, потянулась к запястью: сколько пропущено? Браслет лежал на тумбочке, на коже оставался светлый след.

Ничего она не пропустила. На вторую половину дня было одно дело — забрать из чистки покрывало. Его могли привезти к корпусу. Вера всё равно собиралась выйти: хотелось посмотреть на место возле сада.

К комнате она уже привыкла. Полотенце вешала другой стороной, чтобы не цеплялось за царапину на стуле. Вещи постепенно переехали с верхней полки на нижнюю. На подоконнике лежали два билета, засохший лист и камень, принесённый с прогулки. Зачем он понадобился, Вера забыла, но выбрасывать не хотела.

Когда ей предложили место в бердской программе, она трижды спрашивала, что нужно делать взамен. Женщина, оформлявшая документы, наконец показала оплаченные договоры: жильё, питание, бытовое обслуживание — кухня, прачечная, уборка, вместе с ремонтом машин, которые делали большую часть этой работы. Фонд местного объединения выделил обеспечение на её место — заранее, на весь срок договора. Учиться ради него не требовалось. Вера попросила сохранить этот ответ целиком, вместе с договором.

Первые дни всё равно старалась быть полезной. Подхватывала пакеты, помогала со стульями, однажды осталась убирать столы, хотя хотела спать. Работница показала, куда поставить собственную посуду; чужие подносы забрала сама. Вера тогда обиделась. Как будто у неё отняли понятный способ остаться.

Теперь у неё были знакомые, которые работали каждый день, и знакомые, о чьих занятиях она ничего не знала. Встречались у лифта, спорили о сквозняке, забывали вещи на общей полке. Вечером никто не проверял, как они распорядились свободой. К этому Вера привыкала медленнее, чем к мебели.

За стеклом мужчина с ноутбуком остановился посреди дорожки, отступил в тень и продолжил разговор. Раньше Вера по одному этому узнала бы свободного человека: стоит где хочет, говорит когда хочет. Теперь заметнее было, что ноутбук он не может убрать.

Она доела добавку и открыла сообщение «Эдема». Служба предлагала привезти покрывало завтра и заодно забрать в чистку ещё одну вещь; если Вера не захочет, привезут сегодня, как заказано. Покрывало в жару только мешало, а на куртке с весны держался след у кармана. Вера выбрала завтра и убрала руку от экрана: зачем вообще начала решать это за столом?

Мимо прошла женщина с пустой гастроёмкостью.

— Вы не убирайте пока, — сказала Вера, показав на чашку.

— Я не вашу.

— Да. Вижу.

Она допила чай. В углу уборочная машина никак не могла обойти ножку стула. Женщина сдвинула его, и машина поехала дальше.

* * *

В комнате Вера разложила куртку на кровати и сфотографировала, расправив воротник, хотя не для продажи. Заберут завтра утром, вернут отдельно от покрывала. Она уже успела представить, что принесут всё сразу.

Ну и ладно. Куртка ей к завтрашнему дню не требовалась.

В дверь постучала соседка с маленькой коробкой. Вера знала её по кухне и по раскрытому зонтику, который та сушила даже после мелкого дождя. Имя всё время забывала.

— На общей полке лежит. Не твоё?

В коробке были зажимы и пластиковые планки для садовых табличек. На боку одной проступало её имя.

— Моё. Спасибо.

— Это ты там цветы собираешься?

— Пока смотрю.

Возле дорожки оставалась полоска земли, которую постоянно вытаптывали. Вера придумала сделать её другой. Теперь об этом спрашивали так, будто у неё уже были участок, бригада и расписание.

Соседка заметила куртку.

— Уезжаешь?

— В чистку. Завтра заберут.

— А я доставку оставила сегодня. Завтра в город, потом не хочу караулить. Договорились — пусть привозят.

Она ушла, по дороге рассказывая ещё что-то про коробки на общей полке. Вера взяла планку. На экране та казалась крупнее. Придётся писать мелко.

Рядом с подтверждением доставки ждало сообщение из Академии: «Будешь рядом — зайди. Хочу показать, что получилось. Сегодня до часа». Писала знакомая женщина, с которой Вера когда-то обсуждала занятия.

Можно было сходить в сад, потом пообедать. В Академию не идти. Вера даже успела подобрать объяснение, хотя никто его не просил.

Ответила: «Зайду». Ей самой было интересно.

Когда старый рабочий график рассыпался, она не знала, куда деть утро. Вставала по привычке, сердилась на тех, кто спокойно завтракал позже. В Академию приходила даже на ненужные занятия. Потом жалела потерянного утра и записывалась снова.

Она надела сандалии, взяла коробку. У двери вернулась за ключом, которым почти не пользовалась.

* * *

Ряды столов из прежнего учебного зала исчезли. Несколько оставшихся стояли у окон. Посередине лежал разобранный светильник: кольцо, опора, прозрачные пластины. Мужчина в наушниках поворачивал одну против света.

Знакомая сидела с двумя людьми. Заметив Веру, показала на стул.

— Чай будешь?

— Я после завтрака.

— Просто садись. Мы почти закончили.

Они спорили о названии вечернего занятия. Прозвучали «соавторство» и «среда». Мужчина у окна спросил, нельзя ли написать просто «свет». Остальные засмеялись. Он тоже улыбнулся, хотя, кажется, не шутил.

Вера поставила коробку на колени.

— Светильник будет работать?

— Надеюсь. Они себе делают.

Мужчина в наушниках приложил пластину к кольцу. По столу прошло бледное пятно. Вера подошла: внутри него медленно двигались тени.

— Оно само так?

Он освободил ухо.

— Хотели, чтобы менялось, когда проходишь. Пока меняется, когда садишься. Рост не учли.

Он присел. Пятно раздвоилось.

— Сидячий вариант, — сказала Вера. — Или для кошки.

— Кошки нет.

— Значит, для сидячих.

В модели возле него всё стояло ровно, а на столе пластина качалась в креплении. Мужчина придержал её и перестал замечать Веру. Она не обиделась. Ей нравилось смотреть, как он возится со своей вещью.

Знакомая дождалась её у окна.

— Ради этого и хотим место оставить. Чтобы со своим приходили. С понедельника группа, небольшая. Попробуешь?

В расписании стояли три встречи в неделю: проект, работа с помощником, обсуждение.

— Мне бы с пространством один раз разобраться. Вот здесь.

— Можно отдельно. В группе интереснее. Ты же говорила, людей не хватает.

— Сейчас хватает.

Женщина посмотрела на коробку. Вера вынула зажим, показала планку.

— У дорожки посадить хотим. Смотрим, где не вытопчут.

— Вот с этим и приходи. Будет проект для группы.

Вера покрутила планку в пальцах. Здесь ей помогли бы сделать понятную схему. Но к схеме уже пристраивались понедельник, среда, показ промежуточного результата. А если она захочет просто прийти к растениям?

— Три раза в неделю не хочу.

— Не обязательно каждый раз.

— Вы будете ждать, а я думать, что опять не пришла.

Женщина отодвинула расписание. Улыбаться перестала.

— Мне нужно понять, соберётся ли группа. Свободные встречи оставить можно, программу ради двоих я вести не возьмусь.

— А двоим нужна?

— Одному точно. Второй смотрит.

Из середины комнаты донёсся стук. Мужчина поймал пластину у пола, выругался. Через секунду продолжил работать.

Вера убрала зажим.

— Ты меня не считай. Просто зайти могу, но в группу не записывай.

Женщина удалила её имя. Две соседние строки сдвинулись. Вера смотрела на них дольше, чем собиралась.

— Хорошо, — сказала знакомая. — Тогда мне тоже проще. Отдельную консультацию пришлю?

— Пришли.

На выходе мужчина со светильником держал кольцо обеими руками и пытался дотянуться до опоры.

— Подержать?

— Здесь. Только не поднимайте.

Кольцо оказалось тяжёлым. Вера перехватила его, нашла удобное положение. Полоса света медленно ползла по пальцам. Из снятого наушника доносился высокий голос.

— У вас поют?

— Рассказывают. Так лучше собираю.

— Не мешает?

— Когда слушаю — мешает.

Она не поняла, шутит он или нет. Мужчина закрепил опору, забрал кольцо и попросил пройти к двери. Вера прошла. Свет не изменился.

Он сел. Полосы разошлись.

— Сидячий работает, — сказала она.

— Стабильно.

Он снова снял пластину. Вера задержалась у двери. Мужчина смотрел на разобранную вещь с такой сосредоточенностью, что она позавидовала. Не результату. Тому, как можно забыть о человеке возле двери, потому что руки нашли, за что взяться дальше.

Она подняла коробку и вышла.

* * *

Снаружи она скрыла предложенные занятия. Понедельник стал пустым. Консультация оставалась — можно выбрать время, когда появится вопрос.

Дорога к столовой шла мимо прачечной. За стеклом лента разводила вещи по меткам, в барабанах крутилось чужое бельё, складывающая машина опускала стопки в короба. Человек у пульта ел яблоко и смотрел в другой экран. Где-то там, наверное, лежало и её покрывало. Искать Вера не стала.

На повороте встретился грузовой робот с такими же коробами. Вера посторонилась, он тоже выбрал край, и они оказались друг перед другом.

— Ну давай.

За коробом появился работник с тележкой.

— Пройдите прямо. Он подождёт.

Она прошла. У одного чехла на тележке свисал угол; Вера оглянулась сказать, но работник уже поправил его ногой.

В столовой не было утреннего гарнира. Она взяла картошку, рыбу и огурец, поднесла браслет к считывателю. Обычный обед из её пакета.

Соседка сидела у окна и доставала бумажки из большого дорожного кошелька.

— Вещи привезли? — спросила Вера.

— До обеда ещё.

Завтра та ехала в Новосибирск помогать знакомой с заказами. Несколько дней в месяц; каждый раз обещала больше не браться.

— Тебе же можно не ездить.

Вера услышала знакомую интонацию, когда слова уже прозвучали.

— Она без меня перепутает.

— А тебе нравится?

Соседка перестала перебирать бумажки.

— Когда заканчиваем. По дороге обратно тоже хорошо. Сижу в автобусе — ничего уже не надо.

Она разгладила на столе чек.

— Знакомая моя, кстати, к нам хотела. Спрашивала, как сюда попадают.

— И что ты?

— Посмотрела. Новый набор закрыт. Пишут: места откроют, когда под весь срок деньги внесут. Под следующий пока не внесли.

Вера вспомнила женщину с договорами. Её саму вытянули по жребию: заявок тогда было втрое больше, чем мест.

— Мне просто повезло, — сказала она.

— Я ей так и сказала. Пусть заявку оставит, вдруг откроют.

Чек вернулся в кошелёк. Вера разломила картофелину. Пар поднялся к лицу.

— Я сегодня в группу не пошла.

— Неинтересно?

— Может, интересно. Я просто не хочу туда ходить.

Соседка кивнула и спросила, не нужен ли ей складной столик. Стоит в комнате, место занимает. Вера сразу представила его возле горшков.

— Пачкать не жалко?

— Для этого покупали. Теперь на нём чеки лежат.

Договорились вечером посмотреть высоту.

— Ты одна там всё будешь делать?

— Мужчина ещё приходит. В панаме.

— Их половина в панамах.

Вера попыталась описать его. Помнила руки и жестяную банку.

— Познакомлюсь, тогда скажу.

— Уже сад делаете, познакомиться не успели.

— Мы пока смотрим.

Соседка завернула хлеб в салфетку и сунула к бумажкам. Встретила взгляд Веры, вынула обратно.

— Вечно я.

Они засмеялись. Вера предложила коробочку из-под огурца, но в ней хлеб мог намокнуть. Соседка нашла пакет, долго расправляла под столом и рассказывала, как завтра будут собирать заказы. Вера ела и слушала. Впереди оставалась большая часть дня.

* * *

Участок лежал там, где люди срезали угол к корпусу. Вера сама дважды прошла по земле: сначала не заметила, потом несла горячую чашку и не захотела обходить.

Теперь возле дорожки стояли горшки, расставленные как готовая клумба. Один уже отодвинули ногой. Мужчина в панаме сидел на корточках и складывал камни в старую жестяную банку.

— Я принесла.

Он взял зажим, попытался вставить планку боком.

— Наоборот.

— Вижу.

Он не видел, но Вера промолчала. Табличка встала ниже листьев.

— На картинке больше было.

— Картинка небольшая была?

Она засмеялась. Спросила имя. Борис. Всё оказалось просто.

Вчера в модели сада она двигала кусты одним касанием. Смотрела сверху, проверяла тень. Помощник предупреждал, какие растения не стоит сажать вплотную. Пустое место постепенно становилось определённым.

Ближайший горшок оказался тяжёлым. Вера приподняла его, опустила и попросила Бориса помочь. Перенесли на ширину ладони. Появилось место для ноги.

— Здесь всё равно пойдут, — сказал Борис.

— Пусть идут.

— Клумба короткая.

— Зато целая.

Он посмотрел на вытоптанный угол.

— С той стороны продолжить можно.

Небольшую посадку у края уже разрешили. Для новой полосы требовалось определить границы и полив. Вера подала запрос. Пока не хотелось вкапывать горшки там, куда завтра придут косить.

Она присела рядом с Борисом. Под сухой коркой земля была прохладной. Вера откладывала камни, вытягивала жёсткие корешки. Один не поддавался; она дёрнула сильнее и села на пятку. Борис молча протянул другой инструмент.

Рука привыкла к движению. Мимо шли люди. Ребёнок остановился у горшков:

— Здесь уже нельзя или ещё можно?

Вера показала проход. Он прошёл нарочно медленно, ставя ноги одну перед другой.

— Удобно?

— Узко.

Борис фыркнул. Вера отодвинула коробку. Ребёнок вернулся тем же путём, ничего не сказал. Отец позвал его к корпусу.

Вере захотелось посадить всё сразу. Оставить к вечеру настоящее место. Но часть растений принесли только примерить. Она подняла один горшок, посмотрела снизу и поставила обратно.

— Завтра придёшь?

— Не знаю.

— Я, наверное, утром.

— Приходи.

Предложить точное время она не успела: вспомнила своё лицо над расписанием в Академии. Борис тем временем поднялся размять спину и показал на маленький горшок.

— Этот можно. Его здесь и хотели.

В ямке нашёлся ещё один камень. Вера поддела его совком, унесла и вернулась. С одного боку получился провал. В модели таких забот не было.

Борис сжал горшок, поддержал землю снизу и передал ей ком с растением. Она приготовилась держать за стебли.

— Руки ниже. Ниже опусти.

Между пальцами просыпалась земля. Растение встало криво; Вера подсыпала с одного бока, убрала с другого. Борис принёс воду. Листья дрогнули, земля потемнела и осела.

Они подождали. Растение выглядело почти как прежде. Только теперь, чтобы переставить, нужно было копать.

Вера села на край дорожки, вытряхнула сандалию. От листьев падала короткая тень. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь подошёл посмотреть. Борис уже выбирал следующий камень.

Она сделала снимок. На нём оказались главным образом её ноги. Сохранила и этот, потом сняла растение отдельно.

* * *

К вечеру появились чистая полоса земли, проход и одна посадка. Никто не остановился похвалить. Борис унёс банку: сказал, камни пригодятся.

Вера открыла вчерашнюю схему. Проход там был уже, чем на земле; она исправила ширину — и ряд растений перестал помещаться. Оставила как есть. По новой полосе спросили, сколько ей нужно воды. По картинке Вера не понимала; так и ответила.

Борису послала фотографию прохода. Он ответил: «Коробку убери, унесут».

На планке, которую закрепила повыше, написала: «Здесь будет проход». Это было правдой уже сейчас.

Столик соседка принесла сама. Вера поспешила навстречу, вытирая ладони о брюки. Они разложили ножки; под качающуюся Вера подсунула камень. На стол встали коробка, маркер и пустые горшки. Соседка положила пакет с едой.

— Ужинать не пришла.

— Не заметила.

— Тут ещё тёплое.

Они сели на низкий край у дорожки. Соседка говорила о завтрашней поездке. Вера смотрела на проход: теперь он казался слишком широким. Сужать не стала.

Позже Борис прислал снимок двух новых горшков. У одного листья торчали во все стороны; второй перевязали шнурком для переноски.

«Соседи хотят принести. Поместятся?»

Вера прикинула место возле столика. Длинные листья загородят проход. Она приблизила фотографию — размеров всё равно не понять.

«Оставить хотят или сами сажать?»

Борис ответил голосом:

— Не знаю. Я сказал, ты начала. Они тоже хотят. Давай познакомлю.

У неё был хороший план на утро: прийти, посмотреть, выбрать оставшиеся камни. Ни о каком времени не договариваться. Одно растение на снимке совсем не нравилось. Другое хотелось поставить рядом со своим.

Из Академии пришла фотография светильника. По полу расходились две полосы, у края виднелась нога в носке. «Сидячий оставили. Стоячий тоже заработал».

Вера поздравила. Потом вернулась к сообщению Бориса.

«Познакомь. Пусть сначала без растений придут. Вместе посмотрим».

Инструменты убрала под стол. Совок не поместился в коробку, пришлось оставить ручку снаружи. Маркер нашёлся под горшком. Ещё днём этот столик никому не был нужен; теперь без него всё лежало бы на дорожке.

У умывальника вода сначала шла тёплая, потом прохладная. Под ногтем осталась тёмная полоса. Вера потёрла её другим ногтем, только размазала.

Вернувшись, она присела возле первого растения. Хотела поправить: стояло чуть криво. Земля уже осела после полива. Вера оставила его как есть.

На схеме всё двигалось одним касанием. Она добавила возле столика два горшка. Длинные листья закрыли её посадку. Вера передвинула своё растение, освобождая место, и сразу вернула обратно.

Своё дело, чужие обязательства

Раньше. До «Эдема».

Металл был холодный, хотя в помещении стоял тёплый воздух. Платон провёл ладонью по решётке, отступил. Сбоку прутья сливались. Чтобы увидеть все четыре камеры, приходилось поворачивать голову.

В воображении они помещались сразу.

Он попытался посмотреть глазами человека, который впервые сюда войдёт. Получалось ненадолго. Возле каждой вещи уже стояло собственное объяснение: зачем здесь, как должно работать. Испугаться своего замысла не удавалось. Зато можно было коснуться его рукой.

* * *

В университетских коридорах Платон любил задерживаться после занятий. В группе почти все были девушки; непривычное внимание постепенно стало обычным. Он говорил свободнее, сам продолжал разговор. День, когда прибавилось уверенности, выбрать бы не сумел. Просто дел становилось больше.

Деньги он зарабатывал кальянщиком в ресторане. Приходил, готовил всё к вечеру, следил за столиками. Ресторан казался престижным. Одни посетители сразу откидывались на спинку, другие ещё долго не выпускали телефон. Ему присесть было некогда.

Чистую колбу приятно поставить на сухое место. Потом стол становился рабочим: вещи под рукой, мокрые следы, свободное пространство исчезло. Платону нравилось уметь то, чего посетитель не замечает, пока всё хорошо.

Возле стула приходилось повернуться боком: в проход свисала куртка. Обратно с пустыми руками он проходил легче. К концу смены даже знакомые движения давались иначе. Оставалось убрать, рассчитаться, выйти. Уже на улице он ещё некоторое время прислушивался к телефону.

Зато деньги можно было тратить, не объясняя, почему хочется именно этого. Купить вещь, выбрать вечер. Платон шёл быстро, хотя спешить уже было некуда. Усталость обнаруживалась, когда останавливался.

В университете он всё охотнее рассказывал о работе. В разговоре находилась возможность: договориться, зайти с другой стороны, сделать своё. Хотелось больше зарабатывать. И хотелось стать человеком, вокруг которого собирается дело. Эти желания шли рядом; удачную договорённость приятно было вспоминать ещё и потому, что её добился он.

* * *

Из ресторанной работы выросло участие в развитии кальянной сети. Теперь были клиенты, франчайзи, сотрудники, услуги в чужих ресторанах. Часть работы приходила звонками: кто опаздывает, где нужна подмена, почему опять не получилось.

Артур Шкобелян приехал перед открытием. Франшизу купили у него. Платон ждал разговора о том, почему готовый порядок не помещается в настоящий вечер: один сотрудник не успевал, другого можно было переставить, но пустело соседнее место.

Артур снял куртку.

— Кто уже в зале?

— Я пока закрою.

— А потом?

— Что потом?

— Завтра тоже ты?

Платон показал расписание. Артур позвонил своему человеку, выяснил, когда тот освобождается, и передал телефон. Подмена нашлась на вечер. Платить за неё предстояло им; зато больше не нужно было разбирать уже собранную смену в другом ресторане.

Пока ждали, освободили проход. Платон нёс коробку, Артур держал дверь. Первые посетители уже разворачивали меню.

— Думал, скажешь: сами разбирайтесь.

— Зачем тогда у меня покупать?

Артур подхватил коробку снизу. Дальше понесли вместе.

После смены Платон написал ему спасибо. Добавил, что без него остался бы на двух местах сразу.

«Для этого и собираем сеть», — ответил Артур.

Платону нравилось это «собираем». Он оставил переписку открытой и занялся следующим рестораном.

Схема была простой: они предоставляют кальянную услугу, ресторан даёт место, выручка делится. Из неё вырастали условия. Платон хотел хорошую долю и заранее пробовал произнести предложение вслух.

Начинал быстро. Затем доходил до места, где в голове всё было связано само собой, и застревал. Приходилось возвращаться. Назвал желаемую долю — тут же стал оправдываться. Собеседника ещё не было, а он уже спорил с придуманным возражением.

Платон замолчал. Даже в пустой комнате пауза после предложения казалась слишком длинной. Ручка лежала рядом. Он не взял её.

Подождал ещё несколько секунд.

Иногда удавалось договориться так, что результат казался невероятным. Шестьдесят на сорок в их пользу — от выручки до вычета расходов. Платон записывал числа и смотрел на них дольше, чем нужно. Набрал сообщение. Хотел добавить, насколько хорошие условия получил, но числа выглядели убедительнее. Отправил как есть.

Из этой доли ещё платить людям, закупать нужное, организовывать работу. Он знал. Удовольствия это не портило.

Сотрудников за красивым расчётом он тоже мог представить. Сам двигался между столами, знал, как в конце смены хочется уйти, а на рабочем месте остаётся последнее неубранное. Но всё чаще хотелось вмешаться в мелочь: ведь можно удобнее. Платон дописывал ещё одно улучшение, и короткое сообщение становилось длинным.

Однажды всё-таки сократил текст до одного изменения: сотрудники сами отмечают, кто кого может подменить, и договариваются напрямую. Одна подмена сорвалась, другую провели нормально.

Артур попросил отдать это остальным — через его диспетчерскую.

— Иначе один двум пообещает, потом сам поедешь закрывать.

На общей схеме появились незнакомые сотрудники. Два трудных вечера, которые Платон уже собирался закрывать собой, закрылись к обеду. Прямые контакты из списка убрали, оставив рабочий вызов: диспетчер видит, кто свободен. Платону это не понравилось, и он собирался сказать. Вечером Артур разослал порядок по всей сети и назвал, кто его придумал. Платон перечитал собственное имя в чужом письме. Говорить про контакты расхотелось.

Позже сотрудник спросил, как вызвать знакомого сменщика без диспетчера. Оба были свободны, но местное окно закрылось. Платон написал Артуру. Тот почти сразу открыл его.

— Видишь, никого искать не пришлось.

Найти человека они могли сами. Платон всё равно поблагодарил: смена теперь была обеспечена.

Организовывать ему нравилось. Но сеть существовала до него. Хотелось придумать дело целиком.

* * *

Четыре камеры с решётками. Ключи. Ведро. Актёр с бензопилой.

На листе квест выглядел беднее, чем в голове. Особенно ведро. Если написать «ключи в ведре», исчезало главное: там должны были лежать настоящие внутренности животных. Платону нравилось неприятное расстояние между условной вещью для игры и тем, от чего хочется отвести взгляд.

Человек заранее знает, что пришёл пугаться. Как сделать, чтобы этого знания не хватило?

Платон нарисовал решётку. Вышла клетка из школьной тетради. Поднял руку, посмотрел между пальцами. Тоже ни на что не похоже. Настоящее пространство должно работать иначе.

Объясняя будущий квест, он всякий раз начинал с ведра. Улыбался ещё до того, как успевал рассказать. Но оставлять от всего замысла одну неприятную подробность не хотел. Ему нравились камеры, проходы и человек с бензопилой, который будет двигаться внутри придуманного мира.

Открывались с партнёрами. Замысел и организация были работой Платона. «Свой проект» он произносил охотно. О том, где кончалась его идея и начиналась общая работа, задумываться было некогда.

Список дел быстро заполнил страницу. Рядом с частью пунктов стояло его имя, возле других оставалось свободно. В голове Платон уже продолжал за всех. Потом брал телефон, отправлял договорённости и замечал, что себе оставил больше, чем собирался. Вычёркивать не хотелось: проще сделать, чем объяснять.

* * *

На ремонт отвели месяц. Посоветовали знакомого, рассчитывали ещё и сэкономить: человек был не с улицы, через своих. Платону хотелось скорее пройти эту часть и заняться самим квестом.

Строитель привёл сына. Несколько часов ковырялись, потом исчезали. Платон сперва пытался разглядеть невидимую работу. Зашёл, посмотрел, вышел — может, просто не понимает, что именно изменилось?

Прошёл месяц, второй. Ремонт растянулся на три. Слово «экономия» уже злило. Аренду платили за помещение, в которое нельзя было приглашать клиентов, — за возможность ждать дальше.

Теперь вместо рекомендованного мастера Платон видел алкаша, притащившего сынка. Авансы уже отдали. От этого особенно хотелось дождаться результата: выгнать — признать, на что ушли деньги. Он снова приходил, искал сделанное, обещал себе подождать до конца недели.

Потом перестал.

Они с партнёрами сказали строителям уходить. Больше денег не будет.

Произнести оказалось легче, чем решиться. Только готового помещения после этого не прибавилось. Платон смотрел на стены и опять расставлял в уме камеры. Да будут, блядь. Сначала ремонт закончить. В список собственных дел легко было дописать ещё одну строку; выполнить её от этого проще не становилось.

Вместо ремонта пришлось ехать в кафе. Сын строителя позвал на встречу, пришёл с дружками с Юго-Западного.

Новых причин платить они не принесли. Платон снова объяснял: авансы были, работа не закончена. Пока он здесь сидит, аренда продолжается, и эти часы тоже отняты у квеста. Раздражение мешало выбирать слова. Хотелось сказать короче. Он придвинул чашку, отпустил ручку.

— Ничего больше не дам.

Парни ушли. Платон допил кофе, чтобы не торопиться следом.

Возле машины остановился.

Два колеса были порезаны.

Он посмотрел на одно, на другое. Кто подходил к машине, не видел. Отделить это от разговора в кафе не мог. Ключ ещё лежал в ладони: только что собирался сесть и уехать. За столом можно было сколько угодно оставаться при своём, а здесь стояла машина, которая никуда не поедет. Теперь платить ещё и за это. Авансы, аренда, сэкономленный знакомый. Хватит.

Вот же суки.

Среди друзей были люди из криминального мира. Платон достал телефон.

* * *

С той стороны спросили, сколько человек звать на встречу.

— Сколько сможешь.

Назвать поменьше казалось всё равно что заранее попросить давить не слишком сильно. Слова понравились своей окончательностью, хотя сколько людей на самом деле приедет, Платон не знал. Переспрашивать не стал. Уверенность, с которой ответил, хотелось донести до самой встречи.

Донести получалось не всё время. Несколько раз он ловил себя на одном и том же: а если приедут трое? Тогда напротив опять будут те же парни, а он опять начнёт объяснять про несделанный ремонт. Этого он больше не хотел.

Он был на месте раньше. Напротив уже собирались.

Свои приехали на десяти дорогих машинах. Чёрные джипы, БМВ, «Рендж Роверы», «Мерседесы». Профессиональные бойцы, биты, «Сайга».

Платон узнавал людей и сразу смотрел на следующую машину. Хотелось увидеть всех. Здесь были те, кого он уважал, чьи дела считал серьёзнее собственных. У них было чем заняться. И вот они приехали к нему — из-за его стройки, чужого сынка и порезанных колёс. Он поднял руку и только потом заметил, что улыбается.

Оглянулся ещё раз. Пора было смотреть на тех, с кем предстоял разговор, но взгляд оставался на своих. Возле них хотелось стоять ближе. Не за спинами: рядом, чтобы и с другой стороны было видно, с кем он. Улыбку он убрал не сразу. Ему было двадцать, и среди этих людей он чувствовал себя своим.

Напротив собралось человек сорок, в основном, как ему казалось, малолетки. Пока подъезжали машины, толпа редела. Кто-то отходил, следом уходили другие. Едва ли не половина разбежалась. Оставшиеся уже не выглядели компанией, способной назначить ему место и условия.

Теперь место мог выбрать он. Хотелось, чтобы это поняли и напротив. Его больше не вызывали объясняться из-за чужой незаконченной работы.

Платон предложил уехать под мост, подальше от людей.

Парни заговорили вполголоса. Он ждал. В кафе такая пауза означала бы, что сейчас надавят; теперь её можно было просто выдержать. Он стоял рядом со своими и не торопился заполнять тишину. Ему казалось, что напротив по-настоящему испугались.

Вдруг один узнал его.

Несколько лет в детстве они вместе ходили на бокс. Платон всмотрелся. Знакомое лицо оказалось среди чужой компании, и одно с другим не сразу совмещалось: мальчик из зала, с которым когда-то стояли в паре, — и вся эта встреча из-за строителей и порезанных колёс. К знакомому здесь прислушивались.

Тот объяснил остальным: деньги за колёса вернуть, ебало завалить и уёбывать.

Платону прибавлять было нечего. За него уже сказали.

Деньги за колёса вернули. Компания напротив разошлась.

Платон ещё стоял, где стоял. Готовить ответ было не нужно. Плечи, которые он с самого кафе держал как перед ударом, наконец опустились. Вокруг хлопали двери, кто-то смеялся, кто-то уже говорил по телефону о своём. Люди, у которых были дела серьёзнее его стройки, не спешили обратно к своим делам.

Он подходил к машинам, пожимал руки, отвечал, сам не слыша что. Хотелось сказать каждому: вы приехали. Вслух получалось только «спасибо», и этого было мало, и этого хватало. Его хлопали по плечу так, будто он сделал что-то большое, а он всего лишь позвонил.

Платон был уверен: эти люди готовы стоять за него до конца. Он был счастлив — сразу весь, без остатка. Кто-то спросил, куда он теперь. Ему понравилось само «теперь».

Только когда последние машины выехали на дорогу, он вспомнил, с чего всё началось.

Помещение всё ещё нужно было доделать.

* * *

Помог отец друга, отделочник. Быстро закончил то, из-за чего они ждали три месяца.

Платон вошёл, по привычке приготовившись искать недоделанное. Прошёл, вернулся, потрогал стену. Хорошо. Теперь можно было заниматься электроникой.

Один дед помог собрать её. Платон показывал пустые места и перескакивал к следующему, хотел объяснить всё сразу. Заметил, что говорит слишком громко, хотя стоят рядом. Голос не понизил. Здесь можно было увлечься.

Другой дед, сварщик, сделал решётки. Платон рассказывал, одновременно тыча в рисунок и показывая на будущую камеру. Бумага съезжала, он возвращал её на место, смеялся над собой и продолжал. На листе всё ещё оставалось то, чего в помещении пока не было.

Готовые прутья не походили на клетку из школьной тетради. Платон подошёл вплотную, отступил. Провёл ладонью по металлу. Взял ключ, повернул в замке. Маленькая вещь в пальцах открыла перед ним целую камеру.

Он вошёл, оставив дверь открытой. Решётка оказалась близко, перед лицом. Платон обхватил прут: так могла лежать чужая рука. Убрал свою. Переступил, задел носком пол и улыбнулся.

Можно ходить в собственной выдумке.

У ведра он отвёл взгляд. Внутренности животных уже нельзя было превратить в безобидное слово. Неприятное чувство существовало рядом с удовольствием: получилось так, как задумал.

Хотелось открыться. Дать людям войти. Наконец не объяснять, каким всё станет.

* * *

Пришли первые клиенты.

Платон ловил себя на будущем времени, поправлялся: уже есть. Можно было на секунду отложить текущие дела и просто порадоваться. Придумал, организовал, запустил.

Мы открылись.

Он задерживался на этом «мы» и тут же продолжал про себя: я придумал.

Уходя, останавливался возле двери. Хотелось ещё посмотреть, доделать, вернуться к разговору. В ресторане хотя бы наступала минута, после которой можно было выйти на улицу. Здесь он всё чаще возвращал себя сам.

Как-то взял ранние записи. О большей части нынешних забот там ничего не было. Платон разгладил загнутый угол, перечитал начало.

Четыре камеры с решётками.

Теперь туда приходили люди, которые этого листа не видели. Он перевернул бумагу чистой стороной вверх. Хотел узнать, что останется у них без его объяснений.

Марина

Я повернула предплечье к зеркалу, потом от зеркала — и опять к зеркалу. Меч получался разным. На картинке я знала, что мне нравится; на руке приходилось решать заново.

— Я долго?

— Тебе потом с ним ходить.

Платон отодвинулся, чтобы я посмотрела целиком. Я перестала втягивать живот. Совершенно зря это делала: меч был на предплечье.

В «Лимон» я пришла за татуировкой. Теперь хочется поместить в тот день всё остальное: кабинет, своих клиентов, деньги от любимой работы. Но тогда мне нужно было, чтобы меч хорошо лежал на руке. И ещё — не дёрнуться.

Мы разговаривали. О пирсинге я могла рассказывать долго. Замечала это обычно тогда, когда сама же перебивала человека, задавшего вопрос. Платон слушал, уточнял. Я объясняла ему какую-то вещь и вдруг сообразила, что рассказываю владельцу студии, как всё устроено.

— Ты, наверное, и так знаешь.

— Я спросил, что тебе нравится.

Ну да. Я продолжила.

Не стану придумывать, что после сеанса сразу вышла из студии другим человеком. Сначала я вышла с татуировкой. Смотрела на неё чаще, чем требовалось, и ждала, чтобы кто-нибудь спросил. Вопросов было меньше, чем я приготовилась выдержать с невозмутимым видом.

А потом Платон предложил искать новых клиентов. К тому времени я три года занималась пирсингом, сделала дома пятьдесят проколов. Мне хотелось работать больше и получать красивый результат — но не ценой чужой безопасности. Он предложил место в пирсинг-кабинете «Лимона» и рассказал, как люди могут обо мне узнать.

Первым делом я спросила, откуда они поймут, что им нужно именно ко мне.

— А что ты рассказываешь?

Я показала приготовленный текст. Уверенный, гладкий, немного торжественный. Моё имя можно было заменить любым другим, и ничего бы не испортилось.

Платон прочёл.

— Заинтересовался человек. Дальше что?

— Напишет мне.

— Куда?

Контакт я сама нашла не сразу. В собственном тексте уже знала то, чего читатель ещё не видел.

Я перенесла его выше. Захотелось попросить Платона написать всё за меня. Быстрее же. Только потом опять пришлось бы приносить каждую фразу на проверку.

— Дай ещё попробую.

Он отдал телефон.

Я убрала красивое начало. Написала, чем занимаюсь, что можно спросить, как связаться. Потом открыла удалённый кусок. Несколько слов было особенно жалко: с ними я походила на человека с давно устроенной жизнью.

Не вернула.

Отправить оказалось труднее, чем переделывать. Пока текст лежал у меня, можно было представлять чужой интерес. После отправки появился человек, который вполне мог пролистнуть.

Я проверяла сообщения, убирала телефон, находила причину проверить снова. Наконец пришёл вопрос о работе. Я ответила так подробно, что сама испугалась: вдруг уже утомила?

Человек спросил другое:

«А украшение можно выбрать у вас?»

Пришлось оставить приготовленный рассказ. Можно. Потом мы нашли время. Запись появилась, и я несколько раз смотрела на неё, не открывая переписку.

Платону сразу набрала: «Кажется, получилось». Но сначала отправила клиенту договорённости. Проверила время, адрес. Вот теперь можно хвастаться.

* * *

В тот день я приехала раньше. Всё в кабинете стало заметным: мои вещи, стул, рабочее место, я сама возле двери. Стул переставила и почти сразу вернула. От этого клиент быстрее не приехал, но стоять спокойно не получалось.

Когда он появился, я узнала его по вопросу об украшениях. Он продолжил разговор так, будто мы только что прервались. И стало легче. Я знала, что ответить.

Первым показала украшение, которое нравилось самой. На фотографии оно смотрелось прекрасно. Уже собиралась объяснить почему, когда человек попросил что-нибудь меньше.

Я достала другое, потом ещё одно. У одного был гладкий шарик, у другого плоский матовый диск. Шарик ловил свет, диск почти не блестел. Вещь крошечная, а взгляд задерживается иначе. Мне стало по-настоящему интересно найти подходящее ему. К первой фотографии уже не возвращалась.

После работы он задержался у зеркала. Посмотрел прямо, сбоку, опять прямо. Я узнала движение и не стала торопить. Он что-то спросил; отвечая, я заметила, что улыбаюсь вместе с ним.

Потом бывало по-разному. Долго расспрашивали и не записывались. Хотели время, которое мне не подходило. Я училась не считать каждый такой разговор доказательством, что всё зря. И не соглашаться на любой час только потому, что наконец написали мне.

Платон рядом с каждой перепиской не сидел. Иногда очень хотелось, чтобы сидел. Зато всё чаще вопрос оказывался решён, а я даже не успевала подумать о том, чтобы спросить разрешения.

Работы стало больше. Я занималась пирсингом и зарабатывала. Обе вещи радовали, и выбирать, какая радость приличнее, не хотелось. Когда доход стал хорошим, пересчитала расходы. Всё равно хорошо. На следующий день особенно хотелось в студию.

К вечеру иногда уставала так, что ни с кем бы не разговаривала. А по дороге домой доставала телефон, открывала фотографию последней работы. Увеличивала. Убирала. Хотелось оставить её в голове, без экрана.

Меч я больше не рассматриваю при каждом удобном случае. Бывает, рукав сдвинется, потянусь за чем-то и замечу знакомую линию. Мне нравится, что он был со мной, когда всё остальное ещё оставалось обычным разговором в студии.

Однажды из коридора спросили, к кому пришёл следующий человек.

— К Марине.

Своё имя я слышала и раньше. Но тут улыбнулась раньше, чем успела выйти.

— Это ко мне. Проходите.

Время, которое нельзя компенсировать

Новосибирск. 2027 год.

Ника показала ему в зеркало два пальца. Платон кивнул и сел у входа.

Две минуты, наверное. Или два оставшихся движения. Он приехал раньше, но её работа от этого не ускорилась. Клиент разглядывал себя сбоку. Ника держала зеркало и смотрела на него, а не на стрижку.

— Здесь не коротко? — спросил тот.

— Уже не прибавить. Могу показать без укладки.

Он засмеялся, но продолжал смотреть.

— Вот этого я не представлял.

Показал над ухом. С места Платона всё выглядело законченным.

— Мы длину обсудили, — сказала Ника.

— Длину да. А здесь…

Она подняла зеркало с другой стороны.

— Покажите, где начинается то, что не нравится.

Клиент показал. Она уточнила. Некоторое время оба молчали, рассматривая участок. Ника объяснила, что можно изменить сейчас. Человек выбрал небольшую поправку, она вернулась к работе.

В кармане Платона дрогнул телефон. Антон. Платон ещё в дороге написал ему, что после шести его не будет. Открыть сообщение сейчас никому не помешало бы, но он оставил телефон в кармане.

Клиент кивнул на результат. Ника сняла накидку. Платон увидел в зеркале себя: сидит и смотрит, будто пришёл принимать работу. Отвернулся к улице.

О следующем визите договорились не сразу. Предложенный клиентом день Нике не подходил. Нашли другой. Она проводила его и подошла к Платону.

— Давно?

— Нет.

— Я тебя ещё до того, как сел, видела.

— Тогда давно.

На её рукаве держался короткий волос. Ника не смогла смахнуть его с первого раза и оставила.

— Мне ещё убрать.

— Помочь?

— Не стой над душой. Я сейчас.

Он вернулся на место. У её вещей был порядок, которого он не знал. Ника убрала инструменты, зашла в служебную часть, вернулась за забытым. Свет у зеркала погас.

У двери она остановилась, ощупывая карманы.

— Что забыла?

— Пока не знаю.

Нашла ключи, показала ему. Они вышли.

* * *

Ника попросила заехать в магазин. Платон уже проскочил поворот, пришлось объехать квартал. Собирался сказать про доставку, но она перечисляла покупки и спросила, будет ли он есть. Будет.

Внутри он взял корзину, догнал её у холодильника.

— Мы вроде за одной вещью?

— Ты сказал, будешь есть.

— Я и одной вещью могу обойтись.

Она положила сыр.

— Держи.

— Без хлеба?

— Ты же за одной.

Платон ушёл за хлебом. Когда вернулся, в корзине были помидоры и вода. Ника сравнивала две упаковки и выбрала не ту, на которую он показал.

У кассы вспомнила кофе. Платон остался выкладывать покупки. Вернувшись, она положила пакет сверху, потом передвинула, чтобы не смять хлеб.

До машины он нёс общий пакет. Ника жаловалась на музыку на работе: весь день будто три песни, хотя каждый раз другие.

— Сейчас мою слушать едем, — сказал он.

— Она хотя бы не притворяется тремя.

— Ещё не слышала.

— Поэтому и едем.

* * *

В музыкальной комнате было прохладно. Платон поставил пакет, открыл окно, включил свет.

— Ты убрал, — сказала Ника.

— Немного.

— Могу сесть, не двигая провода. Это много.

Она заняла стул. Платон хотел поменять его на другой, откуда лучше слушать, но Ника уже устроилась.

— Я пока отсюда.

На экране открылись дорожки. Одни записаны давно, другие добавлялись короткими вечерами. Каждый раз Платон собирался спокойно доделать. Сейчас стало неловко за то, сколько времени он называл работу почти готовой.

— Только не смотри на экран.

— Я по нему слушать не умею.

Он отвернул монитор и включил. Первые звуки показались тихими; прибавил, вернул чуть назад. Сел боком, чтобы видеть её лицо. От этого сам слушал хуже: любое движение хотелось связать с музыкой.

Перед второй частью потянулся к мыши.

— Здесь пока…

Ника подняла ладонь.

Он дождался конца. Вдох перед голосом теперь звучал неприлично громко. Раньше не замечал. Можно же убрать одним движением.

— Ну?

Она ещё смотрела в окно.

— Кусок перед вторым верни.

— Где вдох?

— Где собирается начаться и ещё немного нет.

Платон запустил снова. Она наклонилась вперёд.

— Вот это нравится.

— Задержка? Криво немного.

— Слышу.

Он приблизил дорожку. Голос входил позже, чем просилось по рисунку. Платон подвинул фрагмент и включил.

— Теперь будто торопится, — сказала Ника.

— Теперь ровно.

— Ну вот.

Она улыбалась. Он сравнил оба варианта. Разница была маленькой, но уже заняла полкомнаты.

— Второй чище.

— Первый мне интереснее.

— Его бы оставила?

— Я бы дослушала. Ты каждый раз останавливаешь.

Ника ушла мыть помидор на общую кухню. Платон запустил первый вариант с начала. Она вернулась, поставила тарелку, села резать хлеб туповатым ножом. На задержке чуть качнула головой. Он ничего не объяснил.

После последнего звука сохранил оба варианта.

— А дальше не понимаю, — сказала Ника.

— Что?

— Зачем опять то же самое.

Он открыл рот. Дальше возвращалась первая часть, чуть изменённая. Платон собирался удержать настроение. Сейчас слышал повтор.

— Это ещё не конец.

— Значит, я не зря ждала.

Он оставил одну дорожку, добавил вторую, попробовал несколько нот поверх. Первый вариант не подошёл. Во втором вернулся прежний ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.